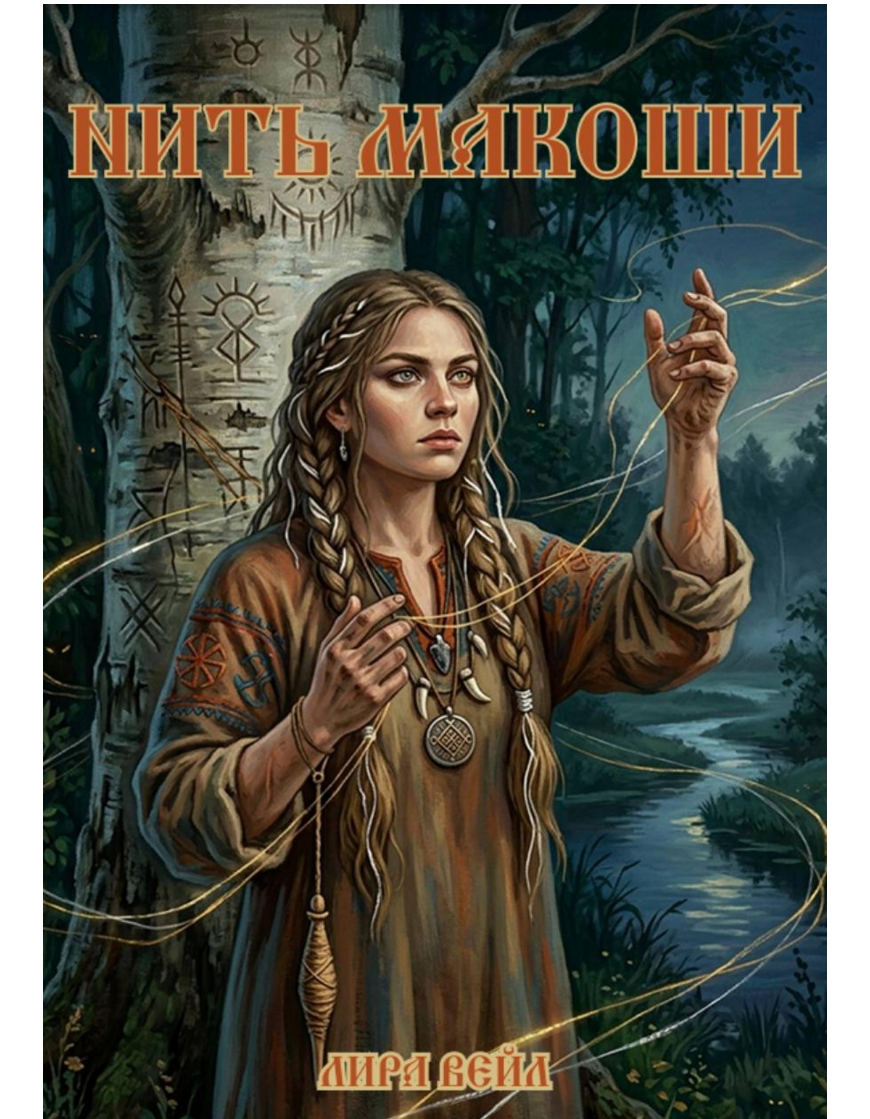

НИТЬ МАКОШИ

A detailed illustration of a young woman with long, light brown hair styled in two thick braids. She is wearing a traditional Russian folk dress (sukhanets) with a brown bodice and a long, flowing skirt. The dress features intricate embroidery in blue and red, including a cross-like pattern on the sleeve. She is holding a thin, glowing golden thread that swirls around her. The background shows a forest with a large tree trunk on the left, which has various carvings and symbols on it. A river flows in the distance under a dark, starry sky.

ЛИРА ВЕЙЛ

Ли́ра Вейл
Нить Макоши
Серия «Все книги автора
Ли́ра Вейл», книга 5

<https://litres.ru/73834642>

SelfPub; 2026

Аннотация

Веснава — жрица Макоши. Она видит нити судьбы, говорит с богами и несёт деревню на своих плечах. Всегда одна — она убеждена, что служение требует одиночества.

Но однажды берёза Макоши начинает сохнуть. В болоте застрял чей-то дух — не ушедший ни в Явь, ни в Навь. Граница между мирами гниёт. И Веснава понимает: чтобы закрыть этот разлом, ей нужно то, чего она боится больше богов — позволить другим быть рядом.

Аутентичная дохристианская Русь: настоящие обряды, живой огонь, болотники и полудницы, пантеон богов с характерами и слабостями. Никакой избранности. Никакого спасителя. Только женский круг, складчина, и нить, которую одной рукой не удержать.

Славянское фэнтези о жрице, с обрядами, пантеоном богов и низшей мифологией, где героиня проходит путь инициации и самореализации.

Для тех, кто хочет историю о силе, которая рождается не из одиночества.

славянское фэнтези

мифологическое фэнтези

этническое фэнтези

женское фэнтези

дохристианская Русь

славянская мифология

темное фэнтези

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	38
Глава 6	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Ли́ра Вейл

Нить Макоши

Глава 1

Рассвет пришёл не сразу. Сначала небо на востоке посере-
ло, потом у горизонта появилась полоса цвета берёзовой ко-
ры: узкая, нерешительная. И лишь тогда, медленно и с неохотой,
первый свет лёг на реку, на мокрую прибрежную траву,
на руки Весновы.

Третья ночь.

Она стояла у воды так же, как вчера и позавчера: босые
ступни вжаты в холодную землю, рукава рубахи спущены до
дна — в сумерках они казались серыми, как зола, хотя в дру-
гое время были белыми. По краям — настоящая зола: Вес-
нава чертила ею по земле ещё затемно. Огонь в глиняной
плошке едва дышал. Она кормила его берёзовыми щепками,
по одной, не давая разгореться и не давая погаснуть.

Живой огонь держали иначе, чем обычный. Он требовал
разговора.

— Гори, — сказала она тихо. — Я здесь.

Пламя дрогнуло. На мгновение — не дольше, чем нужно,
чтобы моргнуть — в нём мелькнул оттенок, которого не бы-
вает в обычном костре. Красновато-золотой, как кровь под

тонкой кожей на запястье. Потом пропал.

Веснава медленно выдохнула.

Веретено у неё на коленях давно остановилось. Нить — льняная, неровная, из прошлогодней кудели — тянулась от него через всё требище: по земле, через рисунок в золе, к площадке с огнём. Рисунок она не видела глазами — видела пальцами, ими и помнила. Нужно, чтобы рука знала знак Макоши сама.

Нить лежала между мирами. Не горела.

Это был знак — но не тот, которого она ждала.

Требище стояло у излучины реки — утоптанная площадка в низине, огороженная жердями с навязанными на них лентами ткани. Некоторые — белые, некоторые — выцветшие до цвета воды, не поймёшь какого. Над площадкой нависала старая ива, и к утру её ветви покрылись росой. Капли срывались в траву без всякого ветра — в своё время.

Это место знало Веснаву с детства. Её мать стояла здесь до неё. Бажена говорила — и мать матери тоже, и та, что была до неё. Цепочка уходила в такую глубину, что Веснава давно перестала пытаться её проследить. Некоторые нити не нужно тянуть. Достаточно знать, что они есть.

Она взяла веретено и попробовала снова.

Нить не откликнулась.

Тогда Веснава закрыла глаза и сделала то, что умела лучше всего: посмотрела иначе. Не вперёд, не назад — вовнутрь, в то место за лопатками, откуда, как ей казалось, и начинал-

ся настоящий взгляд.

Сначала — только темнота и запах реки. Потом, медленно, как огни деревни в тумане, нити начали проступать.

Они всегда были разными. Нити между людьми — живые, тёплые, чуть подрагивающие, как паутина под росой. Нити между человеком и местом — плотные, вросшие, как жилы дерева в земле. Нити между живыми и мёртвыми — серебряные, почти прозрачные, тихо звенящие, если прислушаться.

А нити от деревни к богам всегда были над требищем, натянутые между землёй и небом.

Она нашла нужную нить быстро: ту, что шла от деревни к Макоши. Нашупала — осторожно, — и потянула.

Нить не ответила.

Не оборвалась. Не натянулась. Просто скользнула между пальцами, — и исчезла. Богиня не отказывала. Богиня... ждала чего-то другого.

Чего — Веснава не понимала.

Она открыла глаза.

Огонь в плошке погас.

Она не двигалась несколько минут. Земля под ступнями была холодной, пахла прошлогодней листвой и рекой. Над водой поднимался туман — белёсыми лентами, медленно, словно кто-то расчёсывал волосы и не торопился.

На том берегу пела птица. Одна, без ответа.

Веснава подняла руку и посмотрела на ожог на запястье.

Старый, давно затянувшийся, бледный в рассветном свете. Он был у неё с первого обряда: она держала живой огонь слишком долго, не отпустила, когда нужно, и он взял своё. Бажена тогда сказала: зарастёт, но зарубец останется.

Зарубец остался.

Три ночи — и ни одного ответа. Нить к Макоши не тянулась. Что-то гнило в узоре, который богиня ткала над деревней, — Веснава видела это так же ясно, как видела туман над рекой. Но не могла найти, где именно гниль началась. Не могла добраться до узла.

Одна не могла.

Эту мысль она убрала так же, как убирала её вчера и позавчера — сдвинула в сторону, как сдвигают лишний инструмент. Жрица работает одна. Так было всегда. Инициация — личная. Служение — личное. Боги говорят с одним человеком, а не с толпой. Она привыкла к этому ещё в детстве — привыкла к тому, что быть жрицей значит быть отдельно, и никогда не думала об этом как о потере.

Она встала. Колени загудели — долго сидела на холодной земле. Веснава потянулась, расправила плечи, и тёмно-русые косы скользнули вперёд — через плечо на грудь. Белые нити в них поймали первый свет и на мгновение засветились, как молодая луна. Их вплели в её волосы в день первого посвящения: знак служения, знак принадлежности. Она носила их не снимая, уже не замечала, — они стали просто частью её.

Плошку она подняла с земли и высыпала остывший пе-

пел на рисунок в золе: накрыла знак пеплом, закрыла обряд. Льняную нить смотала обратно на веретено. Это делалось в тишине, без слов — конец обряда так же важен, как начало. Открытое требище — как открытая рана: жди, кто придёт.

Когда всё было убрано, Веснава сделала шаг к тропе — и остановилась.

На земле, у края рисунка, лежало перо. Чёрное, большое. Вороново.

Она посмотрела на него. Потом — вверх, в светлеющее небо. Пусто. Очин чистый, не сломан, не помят — свежее. Значит, не случайное.

Велес.

Она почти усмехнулась — уголком рта, не по-настоящему. Он всегда предпочитал намёки прямому разговору. Бог мудрости и подземного мира не являлся с ответами. Он являлся с вопросами — и оставлял с ними наедине.

— Я слышу, — сказала она тихо, ни к кому.

Подняла перо. Повертела в пальцах — и убрала за пояс. Унесёт домой, положит к остальным знакам, что оставлял Велес за эти годы.

Она развернулась и пошла к деревне.

Тропа от требища шла через прибрежный ивняк, потом выбиралась на пригорок, и оттуда была видна деревня: дюжина дворов, первый дым из труб, корова за изгородью — мычала протяжно, недовольно. Петух надрывался где-то в середине деревни.

Веснава остановилась на пригорке. Отсюда она видела и другое: нити над дворами. Она давно научилась не смотреть на них без нужды — иначе невозможно жить среди людей, слишком много всего. Но сейчас посмотрела.

Большинство нитей были обычными, живыми: тёплые связи между мужьями и жёнами, между матерями и детьми, между соседями, которые делятся хлебом и молчат о долгах. Нити привычки, нити долгой совместной жизни — они почти не меняются, и это хорошо.

Но — и это Веснава видела уже несколько дней — где-то в этом узоре появилась тьма. Не тёмная нить — тьма *на* нитях.

Она не знала, с какого двора началось. Знала только одно: что-то гнило в самом сердце этого места. И чем дольше она смотрела — тем отчётливее слышала запах, который не принадлежал ни весне, ни реке, ни утреннему дыму.

Болото.

Здесь, на пригорке, в полуверсте от ближайшей топи — запах болота. Тяжёлый, прелый.

Пальцы Весновы сжались на веретене.

Это её дело. Найти, где нить рвётся, и добраться до узла. Не дать болоту прийти туда, куда ему нельзя.

Она спустилась с пригорка.

Её изба стояла на краю деревни — не случайно. Жрица не живёт в середине. Жрица живёт на границе: между деревней и лесом, между людьми и тем, что людьми не является. Её место — порог.

Домовой почуял её раньше, чем она открыла дверь. За печью что-то шевельнулось — едва слышно, как мышь в сухом сене. Веснава разулась у порога, вошла босиком — чтобы не принести с собой чужого.

— Тихо, — сказала она. — Я вернулась.

За печью замолчали. Он не любил, когда она приходила с требища: давал понять — не словами, ощущением, — что от неё в такие дни пахнет не домом.

Она поставила плоску на стол. Сняла пояс, повесила на крюк у двери. Налила воды из ковша, умылась над лоханью, долго держала ладони у лица — не от усталости. Вода смывала остатки обряда, закрывала то, что ещё оставалось открытым. Это тоже было частью работы.

Потом она нашла в памяти нужное место — ощущение тускнеющих нитей, скользкую пустоту там, где должна была быть связь с Макошью, — и снова перебрала всё, что знала.

Ответа не было.

Но будет. Она найдёт его, потому что это её служение, её долг, её связь с богиней. Жрица не просит помощи. Жрица сама источник помощи для других.

За окном рассвело по-настоящему. Деревня загудела голосами, скрипом ворот, детским криком. Чей-то смех — короткий, беззаботный — долетел и растворился.

Веснава взяла веретено и начала прясть.

Глава 2

С требища Веснава всегда возвращалась пустой, и голод не приходил ещё несколько часов, пока тело не вспоминало о себе. Но утро всегда начиналось с молока. Первое молоко утреннего удоя — тёплое, с пеной — она лила в маленький горшок у печи. Не себе, а домовому.

— Вот, — сказала она, ставя горшок на прежнее место. — Бери.

За печью двинулось — осторожно, как всегда при дневном свете. Он не любил, когда его видели. Веснава смотрела мимо, чуть в сторону, и тогда на краю зрения иногда мелькало что-то — плотное, невысокое, тёмное, как ком старой шерсти. Потом пропадало.

Молоко в горшке убывало медленно, почти незаметно — если не следить.

Пока домовый пил, она убирала избу. Это тоже был обряд, хотя называть его так было бы странно — слишком обыденно. Но Веснава знала: дом держится порядком не меньше, чем бережными знаками. Она выметала сор к порогу, не к печи — сор нельзя мести к огню. Протирала лавки влажной тряпкой. Проверяла пучки трав под потолком: полынь, звербой, мята, девясил — всё ли на месте, не завелась ли плесень. Один пучок звербой пожелтел раньше времени — она сняла его, понюхала. Запах ещё держался, но слабо. Выбро-

сила через окно во двор, не через дверь. Сухой зверобой через порог не несут.

За этой работой руки успокаивались сами. Голова начала думать чище.

Она думала о нити.

Три ночи — и богиня не отвечала. Это не было обычной тишиной: Макошь часто молчала неделями, и это было нормально. Боги не обязаны откликаться на каждый зов жрицы. Но сейчас молчание было другим.

Это злило её тихо, без слов. Она выметла сор к порогу резче, чем нужно.

Первым пришёл Лукьян.

Она услышала его шаги ещё на тропе — тяжёлые, с остановками. Веснава открыла дверь прежде, чем он постучал. Он стоял на крыльце: широкий, крепкий мужик лет сорока, в льняной рубаше навывпуск, мял в руках шапку. В другое время он ходил прямо и говорил громко. Сейчас смотрел в сторону.

— Зайди, — сказала Веснава.

Он зашёл, сел на лавку у стола, положил шапку на колени.

— Корова у меня. Ты слышала, наверное.

— Слышала.

Весь вчерашний день деревня говорила о корове Лукьяна. Принесла телёнка с двумя головами. Живого — на полчаса, не больше, потом умер. Такое случалось раз в поколение, а то и реже, и всегда это был знак. Чего — люди спорили, го-

ворили разное. Веснава своего мнения не высказывала, пока не посмотрит сама.

— Мне нужно видеть, — сказала она.

— Я за этим и пришёл.

Она взяла с полки нужное: маленький мешочек с зерном — просо, не пшеница, и горсть соли в тряпице. Повесила на пояс. Накинула на плечи наверхник — верхнюю безрукавную накидку из некрашеной шерсти, грубой, почти жёсткой. В такой ходили к скотине и к земле: богам она понятна, людьми не замечается.

Лукьян шёл впереди, молчал. Она шла за ним — и смотрела. Сначала на двор, на избу, на поленницу у плетня, потом — иначе.

Нити над двором были живые. Обычный дом, обычная жизнь: нити к детям — крепкие, яркие, как должно быть в семье, где дети здоровы. Нить к жене — давняя, чуть потёртая в том месте, где, видимо, когда-то была ссора, но всё равно живая. К земле, к скотному двору — рабочие, плотные.

А вот у хлева нити истончались. Там что-то было не так ещё до телёнка.

В хлеву пахло сеном, навозом и молоком. Корова стояла у яслей — чалая, крупная, смотрела на Веснаву без страха, но без интереса.

Телёнка не было — убрали, конечно.

Веснава обошла корову медленно, не касаясь. Остановилась у её морды, посмотрела в глаза: тёмные, влажные, с

длинными ресницами. Нить от животного к земле была живой. Нить к потомству — оборванная, с рваным краем.

— Давно она у тебя? — спросила Веснава.

— Шесть лет.

— Раньше рожала как?

— Хорошо. Три раза всё было в порядке.

Веснава достала из мешочка просо и насыпала перед коровой — ладонью, без горшка. Та потянулась, понюхала, начала есть неторопливо.

— Покажи место, где телёнок лежал.

Лукьян показал — угол за яслями, уже выскобленный. Веснава присела, провела рукой по доскам. Они были сухие, холодные. Но что-то в запахе... Она понюхала ладонь.

Болото.

Она встала. Лукьян смотрел на неё — уже не в сторону, а прямо: ждал. За этим прямым взглядом был страх, аккуратно придавленный мужским достоинством.

— Что там? — спросил он тихо.

— Ничего страшного сейчас, — ответила она — и это была правда, частичная, та часть, которую он мог нести без ущерба. — Знак есть. Я посмотрю.

Он кивнул. Не стал спрашивать дальше — понял, что не получит больше. Веснаву в деревне не расспрашивали: она отвечала ровно столько, сколько нужно. Люди привыкли и принимали это как часть её природы. Жрица говорит, когда готова. Требовать нельзя.

Она насыпала у порога хлева щепотку соли — с левой руки, против солнца. Не защита, а метка: я здесь была, я смотрю.

День шёл своим чередом.

После Лукьяна пришла Прова — молодая баба, третий месяц как замужняя, пришла спросить про сглаз: у неё со свадьбы болела голова, и свекровь говорила — порча. Веснава посмотрела на неё молча, взяла за руку, подержала. Нити были чистые, ровные — никакой порчи. Просто страх новой жизни, сжавший плечи в постоянное напряжение.

Она дала Прове мяту и зверобой — заваривать с вечера и пить тёплым, — и сказала, что к лету пройдёт. Та ушла немного разочарованная: ей нужен был обряд, что-то значительное, с огнём и словами. Веснава понимала это, но давать ненужное было хуже, чем не дать ничего. Страх лечат иначе.

Потом был Тихомир — старый пастух, принёс в решете яйца: плата за то, что Веснава в прошлом месяце заговорила его от ломоты в пояснице. Она взяла, поблагодарила кивком. Он хотел посидеть, поговорить — она дала ему воды, послушала, пока он рассказывал про внуков, про погоду, про то, что зима была длинная. Потом мягко, но ясно дала понять, что ей нужно работать. Он ушёл без обиды.

К полудню она была одна.

Она взяла травы: сушёный чертополох, кору ясеня, сухую осоку с прошлой осени — всё, что помогает смотреть. Разложила на столе, начала перебирать пальцами, разминать, ню-

хоть. Работа почти без цели. Руки занимаются сами, голова освобождается.

За этим занятием она позволяла себе думать.

Три ночи без ответа. Запах болота в хлеву Лукьяна. Нити над деревней, в которых что-то темнело. Она видела такое раньше — не здесь, не сейчас: Бажена рассказывала, что в год её матери тоже было неладное. Тогда разобрались быстро — старый волхв из соседней деревни помог найти узел, и его закрыли. Но тот волхв умер давно, и Веснава была одна.

Это её дело. Найти узел и закрыть.

Жрица не просит помощи. Жрица сама источник помощи.

Так научила жизнь. С детства так на нее смотрела вся деревня: не как на человека, а как на место, куда приходят с бедой. Так устроен мир. У каждого своя нить.

Её нить — одиночная.

Она сломала веточку ясеня, понюхала. Горький, смоляной запах. Хороший.

К вечеру она пошла к священной берёзе.

Береза стояла в четверти версты от деревни, на южном склоне холма, — одна, без соседей. Ствол был в два обхвата, кора белая с чёрными пятнами, как у всех берёз, но здесь белизна казалась другой — не серой, а настоящей, почти светящейся. К нижним ветвям были привязаны лоскуты: белые, красные, пёстрые — с просьбами. Некоторые совсем выцвели, висели уже год и больше. Некоторые — свежие, весен-

ние, с ещё не выгоревшими цветами.

Это было место силы Макоши. Не требище и не капище — просто место, где богиня слышала лучше. Почему именно здесь — Веснава не знала, да и не пыталась узнать. Некоторые места выбираются сами.

Она подошла и остановилась в трёх шагах, посмотрела на ствол. Он был тёплым в последние недели, когда она прикасалась — не от солнца, изнутри.

Она опустила на колени в прошлогоднюю траву. Земля ещё не просохла, влага немедленно прошла через шерсть наверхника и льняную рубаху, осела холодом на коленях. Она не двигалась.

Закрыла глаза. Протянула руку — медленно, готовясь отдёргнуть.

Кора была чуть теплее, чем земля. Только чуть.

Веснава приложила ладонь полностью, прижалась, почувствовала шершавость. Она помнила эту кору с детства. Приходила сюда с матерью — точнее, Бажена приводила её, когда она была ещё маленькой и не понимала зачем. Стояла рядом, держала взрослую руку, смотрела на белый ствол снизу вверх.

Нить от берёзы к Макоши была живой. Это она почувствовала сразу — она всегда была живой, плотной, гудящей тихо. Но — и вот это было новым, замеченным только сегодня, только сейчас, когда она стояла вплотную, — нить была не одна.

Рядом с главной нитью — та самая, что тянулась от земли к Макоши — была другая. Тонкая и тёмная. Незаметная, если не искать. Она тянулась не вверх, а вниз — под землю, в сторону, туда, где стояло болото.

Веснава не шевелилась. Тёмная нить не рвала главную, не давила. Она убрала руку и встала.

Вечерний свет шёл сбоку, длинными полосами, и берёза в нём казалась золотой. Лоскуты на ветвях тихо двигались. Веснава постояла ещё немного, смотрела на них.

Что-то тянется к корням. Из болота.

Она знала, что нужно делать дальше: идти к болоту, смотреть. Это должно было быть просто — разведка, не обряд. Посмотреть своими глазами, найти, откуда тянется нить.

Но до болота оставалось не менее часа ходу, а солнце клонилось к закату. Болото после заката без огня — это правило, которое она не нарушала. Не из страха, а из уважения к тому, чьё это место.

Она пойдёт завтра, на рассвете, с огнём.

Перед тем как войти в избу, она остановилась у порога и сделала то, что делала каждый вечер: постояла, не переступая, положила руку на притолоку, сказала тихо, что возвращается, что несёт с собой только своё, и чужого не принесёт.

Это был её способ разделять. Порог — место раздела. Снаружи она ходила с открытым зрением, несла в себе всё, что видела, — нити, тени, запахи неправильного. Дома она закрывалась. Не полностью — дар не выключается, как не

выключается слух. Но чуть, на краешек, достаточно, чтобы вечером не чувствовать всей деревни сразу.

Она переступила порог.

В избе было тепло — печь за день не остыла. Пахло травами, деревом и немного — молоком. Горшок у печи был пуст и аккуратно поставлен обратно. Веснава улыбнулась уголком рта.

— Хорошо, — сказала она тихо, ни к кому.

Достала из сундука чистую рубаху. Переоделась, расплела косы, расчесала гребнем — медленно, от макушки к концам, без спешки. Белые нити служения при расчёсывании всегда выпутывались сами. Что принадлежит богине — то не запутывается.

На столе осталась горстка коры и трав. Она собрала их в мешочек, завязала.

Потом встала у окна и смотрела на деревню, пока не стемнело окончательно. В окнах одна за другой гасли лучины. Где-то плакал ребёнок.

Деревня тихонько укладывалась.

Веснава взяла с полки веретено и пряжу. Привычная тяжесть в руке, привычный звук — тихое гудение нити. Она прядла в темноте, почти не глядя: руки помнили сами. Нить выходила ровной — сегодня ровнее, чем вчера. Когда нить выходит ровной, значит, мысли на месте.

Завтра — к болоту.

Узел есть и нить есть. Найду, где тянется, найду, за что

держится.

Сама.

Она пряла долго — пока не почувствовала, что тело устало так, как должно устать после трёх ночей у требища. Это был хороший знак: тело помнит, что нужно отдыхать. Тело мудрее головы.

Она убрала веретено и легла.

Прежде чем закрыть глаза, она сказала в темноту — коротко, без просьбы.

— Я найду.

Темнота не ответила.

Глава 3

Парня привезли на телеге под вечер.

Веснава услышала шум раньше, чем вышла: несколько голосов сразу, слова перебивали друг друга, и в этом многоголосье — один тихий, монотонный.

На улице стояла телега Хорива-кузнеца. На соломе сидел его сын Радко — тощий, белобрысый, двадцати лет от роду, с пустыми руками на коленях. Рубаха в репьях, сапога на правой ноге нет. Он смотрел поверх голов — не в небо, не в деревья, а в точку, которую только он видел.

— Третий день, — сказал Хорив, когда увидел Веснаву. — Третий день в лесу. Нашли у ручья. Живой, но...

Он не договорил. Обвёл рукой — вот он, видишь сам.

Радко что-то шептал. Веснава подошла ближе, чтобы слышать. Слова были настоящие, осмысленные — он перечислял деревья. Берёза. Осина. Дуб. Снова берёза.

Она не стала его трогать сразу. Встала рядом с телегой, смотрела.

Нити вокруг него были... не оборваны. Запутаны. Оборванная нить — это смерть или уход, это конец. Запутанная нить — это значит, что человека водили. Леший не рвёт связи. Он мешает им, путает, заставляет людей ходить по кругу, пока те не теряют нить к дому.

Три дня в лесу. Парень вышел живым.

Но нити к деревне, к отцу, к матери, к людям, среди которых вырос, — они лежали поперёк, вместо того чтобы идти прямо. Он был здесь, в деревне, в двух шагах от отца — и при этом всё ещё немного там, в лесу.

— Занесите в дом, — сказала Веснава. — Не в его дом. Ко мне.

Хорив дёрнулся.

— Зачем к тебе? Мать его дома, она...

— Мать сейчас не поможет. — Веснава не смягчала голос, но и не давила — говорила ровно, как говорят о том, что очевидно. — Ему нельзя домой до вечера. Запах дома его раньше вытащит, чем нужно. Тогда хуже будет.

Радко занесли на лавку. Веснава попросила всех выйти — осталась только Бажена, которую она увидела в толпе у ворот и поманила без слов. Бажена вошла, плотно закрыла дверь, встала у печи, сложив руки.

Веснава занялась Радко.

Сначала — вода. Она взяла деревянный ковш, налила из кадки, бросила щепоть соли, помешала пальцем три раза по солнцу. Это не был обряд разворота, а проще: вода с солью возвращает человека в тело, в тягу земли, в вес и запах своего мира. Она провела ковшом по воздуху над ним — не касаясь — и дала ему в руки:

— Пей.

Он взял ковш. Долго смотрел на воду. Потом выпил — жадно, половину пролил на грудь, не заметил. Перечисление

деревьев смогло.

Хорошо.

Она подожгла сухой чертополох в глиняной плошке — он занялся не сразу, тлел, пускал дым. Пронесла трижды вокруг лавки, держа на отлёте. Чертополох гонит мороку. Не самого лучшего — тот вышел из парня, когда тот переступил деревенский порог, — но след его, запах, ощущение чужого пространства, которое человек несёт на себе, как несут репы на рубахе.

— Береза. Осина, — снова сказал Радко — тихо, уже без монотонности.

— Берёза, осина, дуб, — ответила Веснава. — Правильно. Ты в деревне. Смотри.

Он посмотрел на неё. Впервые — по-настоящему, глазами, которые видят то, на что смотрят.

— Жрица, — сказал он.

— Ты у меня дома. Отец снаружи.

Он молчал, держал пустой ковш. Пальцы обхватили дерево крепко.

— Он говорил со мной, — сказал Радко наконец. — В лесу. Голос.

— Леший говорит со всеми, кого водит.

— Нет. — Он покачал головой — слабо, но упрямо. — Не леший. Кто-то другой. Из воды. Из-под корней. Этот... — Он искал слово, не нашёл. — Этот знал моё имя.

Веснава держала плошку с тлеющим чертополохом. Дым

тянулся к потолку, пах горько и сухо.

Из воды. Из-под корней.

Она не ответила ничего. Повернулась к полке, поставила плоску, пересчитала пальцами пучки трав. Нашла нужный — сухой аир, связанный пеньковой верёвочкой. Аир у воды растёт, аир запах болота чует и отпугивает. Она протянула Радко:

— Держи при себе. Под рубаху, к телу. Пока тот голос снится — держи.

Он взял. Сунул за пазуху, не глядя.

Бажена всё это время молчала. Веснава это молчание знала. И не любила его — потому что оно всегда означало: она что-то не видит.

Когда Радко задремал — дым чертополоха гонит сон, лечебный, без морока, — Веснава кивнула Бажене на порог. Они вышли во двор, встали у плетня. Вечер уже лежал на деревне, тихий, с первыми звёздами.

— Ты слышала, что он сказал? — спросила Веснава.

— Слышала.

— Из-под корней. Знало имя.

Бажена молчала секунду. Потом:

— Болотник имена не знает. Болотник берёт тех, кто приходит умирать, и молчит.

— Я знаю.

— Значит, знаешь, что это другое.

Веснава смотрела на тёмный горизонт — в ту сторону, где

за полверсты стояло болото. Туда, где заходить после заката нельзя.

— Что-то вышло из болота, — сказала она. — Нить от берёзы Макоши тянется к корням. Запах в хлеву Лукьяна. Теперь это. — Она помолчала. — Три знака за два дня.

Бажена слушала без удивления. Её лицо в сумерках было как кора старого дуба — немного тёмным, немного неровным, всё в морщинах, которые уже не читаются как усталость, а стали частью лица. Руки сложены перед собой — не скрещены, а именно сложены.

— Ты смотришь на нити, — сказала она наконец. — Но не на тех, кто их держит.

Веснава повернулась к ней.

— Что это значит?

— То, что сказала.

— Бажена.

— Веснава.

Они смотрели друг на друга — несколько секунд, которые тянулись дольше, чем должны. Бажена первой опустила взгляд — не от слабости.

— Иди смотри на нити, — сказала она. — Сегодня или завтра. Смотри не на то, откуда они идут. Смотри на то, кто с другого конца.

Она развернулась и пошла к воротам. Без прощания — Бажена никогда не прощалась.

Веснава стояла у плетня и слушала, как затихают её шаги.

Смотри на тех, кто держит.

Что это значит — она не понимала. Нити от деревни к болоту шли из-под земли, из воды, из корней. Там никого не было — во всяком случае, живого. Болотник имён не знает и голосов не подаёт. Тогда кто?

Она вернулась в избу. Радко спал крепко, без движения. Она поправила аир у него за пазухой — проверила, плотно ли лежит. Наклонилась, прислушалась: дышит ровно, нити вокруг него уже немного распутались, ещё не совсем, но к утру будет лучше.

Она погасила лучину и устроилась на лавке напротив — спать не собиралась, только смотреть. Ночью при больном не спят. Это правило не требует объяснений.

В темноте изба дышала по-другому. Дерево говорит ночью — тихо, незаметно, потрескивает, оседает, живёт своей тёмной жизнью. Домовой за печью тоже слышал — Веснава чувствовала это по тому, как изменился воздух: чуть плотнее, чуть теплее. Он не спит, когда в доме чужой. Сторожит.

Она смотрела в потолок.

Смотри на тех, кто держит нить.

Нить от болота к берёзе — кто держит другой конец? Нить, которую слышал Радко в лесу — голос, знавший его имя. Нить от хлева Лукьяна, от запаха там, где запаха не должно быть.

Радко пошевелился во сне. Не проснулся.

За окном прошёл кто-то с лучиной — жёлтое пятно

мелькнуло и ушло. Где-то залаяла собака. Деревня укладывалась.

Веснава закрыла глаза.

Кто держит нить.

Она не нашла ответа до утра.

Но утром, на рассвете, когда Радко проснулся и сел на лавке — живой, с ясными глазами — и сказал: «Я голодный», — Веснава встала, налила ему молока и поняла вдруг, что думала не о том.

Она искала кого-то в болоте. Она искала источник нити.

Бажена говорила не об этом.

Кто держит — это не про болото. Это про деревню. Кто-то здесь, среди живых, держит нить к тому, что не должно было задержаться.

Она поставила кружку на стол. Радко взял её обеими руками и пил долго, не отрываясь.

Веснава смотрела на него. На нити вокруг него — постепенно распутывающиеся, возвращающиеся на место. И на краю зрения, на самом краю, там, куда она давно привыкла не смотреть, — она увидела то, что не заметила вчера.

Нить от Радко тянулась не только к отцу и матери.

Тянулась ещё к кому-то. Серебряная, почти прозрачная. Тихо звенящая.

К кому-то, кого уже не было среди живых.

Глава 4

Радко ушёл домой чуть позже. Веснава проводила его до ворот, посмотрела, как он идёт по деревенской тропе — ровно, уверенно, с аиром за пазухой. Нити вокруг него выпрямились за ночь, встали на место. Леший не оставил в нём ничего, кроме усталости и смутной памяти о голосе из-под корней — а это со временем притупится и уляжется в слой тех воспоминаний, о которых не говорят вслух.

Она вернулась в избу, убрала лавку, где он спал: вынесла солому во двор, сожгла в ведре, пепел закопала у плетня. После нечистого сна солому не оставляют — в ней остаётся след морока, и другой человек, лёгши на неё, может его подхватить. Нечистое прилипает к месту, не только к человеку.

Потом она вымыла руки.

День был тихий, серый, без солнца — небо затянуло с утра плотными облаками, и всё стало немного приглушённым: краски, запахи, звуки. Такие дни Веснава не любила.

Она взяла корзину и пошла к лесу — за свежим аиром: тот, что отдала Радко, надо было возместить. Аир рос вдоль ручья у южного края леса, там, где берег был низким и мягким и ноги при каждом шаге продавливали дёрн.

У требища она остановилась, вошла.

Встала в центре площадки — там, где полагалось стоять жрице. Огня не разводила: среди дня, без подготовки, без

цели это было бы бессмысленно — требище не театр, оно не терпит пустых жестов. Она стояла и смотрела на место, где три ночи пыталась дотянуться до богини.

Земля ещё хранила след её работы: золу она засыпала, но сам отпечаток ног — два углубления там, где она стояла — остался. В глине след держится долго.

Она думала о нити Радко к мёртвому.

Серебряная, прозрачная. Тихо звенящая. Такие нити бывают — она видела их раньше, у вдов, у детей, потерявших мать, у стариков, переживших всех ровесников. Это нити памяти, нити горя — они не тянут человека в Навь, они держат его за руку с тем, кого уже нет. Это нормально, пока нить тонкая.

Нить Радко была тонкой, но она шла в ту же сторону, что нить от берёзы Макоши. Туда, где болото.

Веснава стояла в центре требища и перебирала это снова — тот же узел, та же тёмная нить у корней, та же тянущая сырость в воздухе, которую чувствовала всё острее. Кто держит нить с другой стороны. Кого-то из живых связывает с тем, что задержалось. Кто-то в деревне держит незакрытое горе — и это горе стало дверью для чего-то, что не должно было войти.

— Ты разговариваешь с ним или сама с собой?

Веснава не дёрнулась. Повернулась медленно.

У жердей стояла девушка. Невысокая, курносая, в льняной поневе с красной каймой — явно праздничной, но не по

случаю. Тёмно-рыжие косы не прибраны как следует, пара прядей выбилась на лицо. Она держалась за жердь одной рукой и смотрела на Веснаву без страха, с любопытством.

Ратуша. Дочь Ставра-пахаря.

Веснава знала её — деревня маленькая, все знают всех. Знала, что к девушке липнет нечисть: домовой переехал за ней из родительского дома, когда та перешла жить к тётке; леший дважды водил её в лес и выпускал целой. Мать говорила про это со смесью гордости и ужаса — мол, видит её нечисть, чует что-то.

— Требище — не место для прогулок, — сказала Веснава. — Ты знаешь.

— Знаю, — согласилась Ратуша. — Я снаружи стою. — Она подняла руку с жердью. — Видишь? Я за ограду не захожу.

Это было правдой. Девушка держалась точно у черты, ни пяди не переступила.

— Зачем ты здесь?

— Шла мимо. — Ратуша чуть дёрнула плечом. — У нас в деревне не так много мест, куда можно пойти и не встретить чужих разговоров. Сюда никто не ходит, вот я и хожу иногда. — Она помолчала и добавила, как будто объясняя то, что и без того очевидно: — Домовой следом ходит. Он шумит в доме, пугает тётку. Тётка ругается. Мне лучше быть снаружи.

Веснава посмотрела на неё. Рядом с девушкой — нить к

домовому, живая, яркая, совершенно нетипичная: домовые не ходят за людьми, они живут в доме.

— Он сейчас с тобой? — спросила Веснава.

Ратуша покосилась себе под ноги.

— Да. Вон там, — она ткнула пальцем в пространство рядом со своей правой ногой, — сидит. Он тебя боится. Задом к тебе повернулся.

— Домовые жриц не боятся. Домовые жриц не любят.

— Почему?

— Потому что жрица видит то, что он предпочитает скрывать. Никто не любит, когда его видят насквозь.

Ратуша обдумала это с серьёзностью.

— Это, наверное, тяжело, — сказала она наконец. — Видеть всех насквозь и знать, что тебя за это не любят.

Веснава не ответила. Взяла корзину, которую поставила у жердей, когда входила.

— Ты уходишь? — спросила Ратуша.

— Мне нужен аир у ручья.

— Можно я пойду рядом? Не внутрь. Рядом, снаружи. — Она отпустила жердь и отступила на шаг, давая Веснаве выйти. — Я не буду мешать.

Веснава остановилась у выхода и посмотрела на неё — коротко, оценивающе. Ратуша выдержала взгляд без напряжения, только чуть сдвинула тот выбившийся клочок волос, который щекотал нос.

— Иди, — сказала Веснава.

Они шли молча первые несколько минут. Тропа шла вдоль опушки — трава по колено с обеих сторон, влажная от ночи, и низкие ветви орешника цеплялись за рукава. Ратуша шла сбоку и чуть позади, как обещала, и Веснава слышала её дыхание — ровное, без спешки, дыхание человека, которому хорошо на улице.

— Почему жрица всегда одна?

Веснава не сбилась с шага.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну... — Ратуша помолчала, подбирая слова. — Все знают, что ты помогаешь — всем, всегда. Но сама ты одна. Я ни разу не видела, чтобы ты с кем-нибудь просто сидела. Разговаривала. — Она снова помолчала. — Не по делу. Вот так, как мы сейчас.

— Мы идём за аиром. Это дело.

— Ты знаешь, что я не про аир.

Тропа вышла к ручью — он журчал тихо, вода была тёмной от прибрежного ила. Аир стоял у самого берега густыми зелёными зарослями, длинные листья поднимались вровень с поясом. Веснава опустила корзину, встала на колени у воды, начала срезать стебли — у самого основания, чистым движением ножа.

— Служение требует чистоты, — сказала она. — Люди путают нити. Когда живёшь среди чужих связей, своя работа становится мутной. Жрица видит чисто, пока она отдельно.

Ратуша присела рядом — не на колени, на корточки, об-

хватив руками, — и смотрела, как Веснава режет аир. Потом:

— А ты правда в это веришь?

Веснава остановила нож.

— Что значит — правда верю?

— Ну, вот ты говоришь это. И, наверное, говоришь не первый раз — слышно, что привыкла. — Ратуша чуть наклонила голову. — Но ты три ночи на требище, и Макошь не отвечает. И ты ищешь одна, и не находишь. — Она пожала плечами. — Я не жрица. Но мне кажется, что если бы одиночество работало, оно бы уже сработало.

Нож в руке Весновы лежал неподвижно. Ручей журчал. Над водой пролетела трясогузка — низко, почти касая хвостом поверхности.

— Тебе четырнадцать, — сказала Веснава.

— Шестнадцать. — В голосе Ратуши не было обиды. — И я не говорю, что знаю лучше. Я спрашиваю.

Веснава снова взялась за аир. Срезала ещё несколько стеблей, добавила в корзину. Листья пахли остро, свежо — этот запах она любила: чистый, без сладости.

— Служение — это выбор, который делается один раз. — Она говорила ровно, без раздражения. — Когда посвящаешься Макоши, ты отдаёшь часть себя — не богине, в землю. С этого момента твоя нить — не только твоя. Ты несёшь её для других. А если ты несёшь для других — ты не можешь нести одновременно своё. Людское путается с чужим, и тогда не поймёшь, где ты помогаешь, а где просто несёшь чу-

жой груз вместо своего дела.

— Это понятно, — сказала Ратуша. — Но это про служение. Я спрашивала про другое. — Она помолчала, глядя в воду. — Про то, чтобы просто быть рядом с кем-то.

Веснава сложила последние стебли в корзину, завязала верёвочку. Встала с колен, отряхнула юбку.

— Жрица не может позволить себе хотеть того, что мешает её работе.

— А откуда ты знаешь, что это мешает? — тихо спросила Ратуша. — Ты ведь никогда не пробовала.

Это был не укор. В голосе не было ни злости, ни сочувствия.

Она взяла корзину.

— Нити сами находят друг друга, — сказала Ратуша, поднимаясь с корточек. — Это же так и работает, правда? Ты сама говоришь — нити тянутся. Ты видишь, как они тянутся.

Веснава посмотрела на неё.

— Кто тебе это сказал?

— Никто. — Ратуша поправила косу. — Я вижу, как люди ходят за тобой. Как они смотрят. Лукьян вчера — я слышала, как он отцу рассказывал про корову. Сказал: жрица пришла, посмотрела, и стало не так страшно. Вот он не жрица. И у него нити путаются. Но ты пришла — и ему лучше. — Она помолчала. — Не потому что ты одна. А потому что ты пришла.

Веснава ничего не ответила.

Несколько секунд они стояли у ручья — жрица с корзиной аира и девушка с домовым под ногами, — и между ними было молчание того рода, которое не требует заполнения.

Потом Ратуша сказала:

— Я пойду. Тётка, наверное, ищет. — Она сделала шаг назад, потом остановилась: — Я не хотела тебя обидеть. Правда.

— Я не обиделась, — сказала Веснава.

Это тоже была правда — частичная.

— Хорошо, — сказала Ратуша и улыбнулась — быстро, ярко, как вспыхивает береста. — Тогда я завтра снова приду к требищу. Снаружи.

Она ушла по тропе — легко, быстро, с той беспечностью в шаге, которая бывает только у людей, которые ещё не знают, сколько всего ждёт впереди.

Веснава стояла у ручья с корзиной аира.

Нити сами находят друг друга.

Она подняла взгляд — не на тропу, куда ушла Ратуша, а вверх, в серое небо. Где-то там, в облаках, ветер гнал что-то с севера.

Она вернула взгляд на воду. Ручей журчал. Она подобрала корзину и пошла домой другой тропой — длинной, через луг, — потому что хотела пройти мимо берёзы Макоши ещё раз.

Тёмная нить у корней никуда не делась.

Но Веснава смотрела на неё сейчас иначе — и почти го-

това была признать, что Бажена была права: она смотрела на нить, но не на того, кто держит другой конец.

Глава 5

Берёза начала сохнуть с краёв.

Веснава заметила это на третий день после разговора с Ратушей — пришла поутру, как ходила каждые несколько дней, и увидела: кончики ветвей побурели. Не вся крона — только самые дальние ветви по периметру.

Она приложила ладонь к стволу. Кора была холодной. Тот живой жар, который она чувствовала здесь ещё неделю назад, — ушёл.

Веснава стояла, прижавшись ладонью к стволу, и считала секунды. Раз. Два. Десять. Ни единого отклика — ни тепла, ни вибрации, ни того тихого гудения, которое она привыкла слышать за шершавостью коры.

Берёза молчала.

Она обошла её медленно — по кругу, не отрывая руки от ствола, — и почувствовала: тёмная нить у корней стала толще. Не тонкая паутина, как неделю назад, — уже настоящая нить, плотная, с весом. Она уходила в землю под острым углом, на север, в сторону болота. И оттуда — тянула.

Лоскуты на ветвях висели неподвижно. Несколько упали — лежали в прошлогодней траве у корней. Просьбы людей, которые привязывали их с надеждой, теперь лежали в земле.

Веснава убрала руку.

Пальцы были холодными. Она сжала их в кулак, поддержа-

ла у груди, пока тепло не вернулось. Потом развернулась и пошла к болоту.

К болоту не ходят после заката и не ходят без огня. Это не правило, придуманное из страха, — это договор, заключённый так давно, что никто уже не помнит кем и когда. Болотник не трогает тех, кто приходит правильно: с огнём, при свете, по делу. Нарушителей договора он не наказывает — он их берёт.

Веснава шла с огнём.

Не с лучиной и не с факелом — с глиняной плошкой, в которой тлел трут, пропитанный живицей сосны. Живица горит медленно, держит жар долго и не тухнет от сырости. Она несла плошку в правой руке, немного на отлёте, чтобы дым шёл вперёд, — для знака: я иду с огнём, я иду с намерением, я знаю, куда иду.

Тропы к болоту не было — она шла по примятой прошлогодней траве, угадывая направление. Лес сначала был обычным — берёзы, осины, молодой ельник, — потом начал меняться: деревья стали ниже и кривее, стволы покрылись мхом, земля под ногами стала мягкой и чуть пружинила, как перина. Потом запах.

Это был тот самый запах — тяжёлый, прелый, с привкусом чего-то железистого, как старая кровь. Она почувствовала его, ещё не видя воды. Остановилась, перехватила плошку обеими руками.

Болото открылось за низкими ольхами. Небольшое, тём-

ная вода, заросшая ряской у берегов, несколько островков с осокой, над поверхностью — утренний туман, низкий, плотный,двигающийся медленно и без ветра. Старые коряги торчали из воды — белёсые, обглоданные, похожие на кости.

Веснава встала у края — там, где земля ещё держала, но уже с трудом, где каждый шаг оставлял тёмный след, наполняющийся водой. Дальше не пошла. Дальше ей не было нужно.

— Я пришла с огнём, — сказала она вслух. Не громко — достаточно, чтобы слышал тот, для кого это сказано. — Я пришла по делу.

Болото не ответило.

Туман двигался. Вода под ряской не шевелилась.

Веснава ждала.

Это первое, чему учатся жрицы: терпению у порога. Боги и духи не торопятся; тот, кто приходит с нетерпением, уходит ни с чем. Она стояла неподвижно, держала плошку с тлеющей живицей и смотрела на воду, не моргая дольше, чем нужно, — пока за краем зрения не начали проступать нити.

Болото было полно нитей.

Здесь они были другими — не живые, не серебряные, не рабочие нити между людьми. Эти были серые, полупрозрачные, намокшие. Нити ушедших — тех, кто прошёл через это место туда, откуда не возвращаются. Их было много, и все они уходили вниз, в тёмную воду, в тину, в глубину, где нет ни Яви, ни Нави.

Среди них — одна. Одна, которая не уходила вниз.

Она торчала вертикально — из воды вверх, в воздух, ни туда ни сюда. Подрагивала. Не как живая — как натянутая между двумя точками, которые не могут сойтись.

Веснава смотрела на неё — и в этот момент что-то под водой двинулось.

Не сразу, медленно — сначала изменилось давление воздуха, потом туман у берега уплотнился, потом из воды поднялся запах: не гнили, не ряски — чего-то другого, древнего, тяжёлого. Болотник поднимался со дна не торопясь.

Он не вышел на берег. Остался в воде — по грудь, неподвижный, тёмный. Лица Веснава не видела: то ли туман мешал, то ли смотреть на лицо болотника было так же бессмысленно, как смотреть на лицо самой воды. Она видела только контур — широкий, тяжёлый, покрытый тиной и мохом.

Говорить он не стал.

Но что-то произошло с воздухом — и Веснава увидела.

Но не глазами.

Она увидела ночь. Эту же воду, этот же берег — но зимой, снег у края, чёрная вода, не замёрзшая даже в мороз. Человека — небольшого, в тёмной накидке, стоящего у самой кромки. Стоящего долго и не случайно.

Болотник ждал.

Так, как он всегда ждёт тех, кто приходит умирать: терпеливо, без суда, без вопросов. Его дело — помочь уйти. Не топить и не тянуть — просто быть рядом, чтобы шаг в воду

не был одиноким.

Человек шагнул.

Болотник помог — так, как умеет: убрал страх, убрал холод, убрал последнее сопротивление тела, которое всегда есть, даже когда разум уже решил.

Но что-то пошло не так.

Образ дёрнулся. Человек ушёл в воду, в темноту, туда, где должна была быть Навь, — но не дошёл. Завис между. Не в Яви — тело осталось в болоте, это Веснава понимала без слов. Не в Нави — туда не пустило что-то, что держало с этой стороны.

Дух застрял.

Веснава почувствовала, как у неё холодеет в груди.

Застрявший дух — это не просто незакрытая смерть. Это пробка в потоке, через которую Явь и Навь перестают разделяться правильно. Дух не может идти дальше — и место, где он застрял, начинает гнить: нити запутываются, живые видят мёртвых, мёртвые слышат живых, болото расширяется, потому что граница больше не держит.

Берёза сохнет от этого. Требище молчит. Радко слышал голос из-под корней.

Болотник стоял в воде и смотрел на неё — или не совсем, Веснава не знала, есть ли у него глаза, — но она почувствовала что-то исходящее от него, что-то, похожее на усталость. Он сделал то, что должен был сделать. Дальше — не его дело. Дальше — её.

— Я понимаю, — сказала она тихо. — Я слышала.

Туман у берега чуть разошёлся. Тёмный контур в воде стал ниже — болотник опускался. Медленно, без спешки, как поднимался.

Прежде чем он ушёл на дно полностью, Веснава спросила.

— Кто это был?

Образ вспыхнул снова — коротко, как отблеск. Фигура у воды, тёмная накидка, зима.

Больше ничего.

Болотника под водой уже не было. Только ряска, туман, и та одна нить — торчащая из воды вверх, никуда не уходящая, подрагивающая.

Веснава опустила взгляд на плоску. Живица почти догорела — осталось на несколько минут.

Она запомнила: место нити, угол, под которым она уходила вниз. Потом подняла голову и посмотрела на небо. Солнце было уже высоко — утро перешло в день.

До Купалы, по её счёту, оставалось меньше месяца.

Купальская ночь — это единственное время в году, когда граница между Явью и Навью истончается сама, без обряда. Когда дух, застрявший между мирами, можно отпустить с меньшей силой, чем нужна в любой другой день. Попытаться в другое время — значит идти против тока воды.

Если берёза умрёт раньше Купалы — требище замолчит. Без требища у воды она потеряет точку, через которую разговаривает с Макошью. Без этой связи она будет работать

вслепую — по памяти, по привычке, как те, кто забыл, зачем делают то, что делают.

Она должна успеть.

Веснава прикрыла плوشку — погасила живицу, пока та ещё горела: нельзя, чтобы огонь тух сам, его нужно гасить намеренно, это тоже часть договора. Потом отступила от берега — три шага назад, не поворачиваясь спиной к воде, пока не встала на твёрдую землю. Тогда развернулась и пошла к деревне.

Она шла быстро, но не бежала. Ноги сами выбирали путь — через ольховник, через молодой ельник, по примятой траве к лесной опушке. Голова работала ровно, без суеты.

Застрявший дух. Тёмная накидка у воды зимой. Кто-то пришёл умирать — добровольно. И этого кого-то здесь что-то держит.

Кто держит нить с другой стороны.

Бажена говорила это три дня назад. Тогда Веснава искала ответ в болоте. Теперь она знала: болото не держит. Болотник помог уйти — и отпустил. Держит кто-то живой.

Кто-то в деревне носит нить к этому духу — незакрытую, незаплаканную, живую, как живая рана. И эта нить не даёт духу двинуться дальше.

Деревня вышла из-за деревьев. Веснава увидела крыши, дым из труб, корову за изгородью — ту самую, Лукьянову. Корова смотрела на неё без всякого выражения.

Веснава остановилась на опушке.

Сколько людей в деревне, которые потеряли кого-то этой зимой? Сколько из них держат горе при себе, не выпускают, не называют вслух? В деревне не принято говорить о тех, кто ушёл плохой смертью. Она знала, как выглядит это молчание: опущенные взгляды при некоторых именах, разговоры, которые умолкают, когда подходишь. Молчание о боли призывает кикимору — это говорят. Молчание о смерти держит дух между мирами — это Веснава знала сама.

Она шла к деревне и перебирала нити — те, что помнила. Чьи горе ещё не прошло. Чьи потери были этой зимой.

Она думала о Звениславе — вдове, чей муж утонул прошлой осенью. Деревня о нём почти не говорила. Звенислава тем более.

Нить Радко к мёртвому — серебряная, прозрачная.

Болотник: фигура в тёмной накидке у воды зимой.

Тёмная накидка у воды.

Веснава остановилась посреди тропы.

Зима. Не осень.

Это был другой человек.

Она стояла неподвижно несколько секунд.

Где-то в деревне кто-то молчал о своей боли уже несколько месяцев. И это молчание убивало берёзу.

Глава 6

Веснава пришла на перекрёсток двух просёлочных дорог за деревней в сумерках следующего дня — не с подношением, не с обрядом. Встала посередине, где пересекаются дороги, лицом на запад, туда, куда уходит свет. Подождала, пока не стало тихо — птицы замолчали, деревня за спиной перестала шуметь, даже ветер лёг. Потом сказала вслух, без обиняков:

— Мне нужно знание. О духе, застрявшем между мирами. О том, что держит его здесь. И о том, как пройти туда, где он стоит, и вернуться.

Перекрёсток молчал.

Веснава стояла. Вечерний воздух пах пылью и свежескошенной травой с соседнего луга. Небо на западе медленно переходило из жёлтого в красноватое.

Потом на дороге появился старик.

Он шёл со стороны леса — неторопливо, с посохом, в тёмном плаще без всякого узора. Старый по-настоящему: лицо в морщинах, борода до груди, белая, как берёзовая кора. Но шёл ровно, без хромоты и без одышки.

Он остановился в нескольких шагах от Веснавы. Посмотрел на неё — долго, без спешки.

— Жрица Макоши, — сказал он. Голос был обычным стариковским, немного хрипловатым, но в нём что-то гудело

под словами. — Пришла за знанием.

— Пришла, — подтвердила она.

— Хорошо. — Он переложил посох из руки в руку. — Значит, давай поговорим.

Он не предложил сесть, не предложил идти куда-то — встал у края дороги и смотрел на неё с ожиданием. Веснава чувствовала на себе этот взгляд как давление — не неприятное, не угрожающее, но очень конкретное.

— Дух застрял между мирами, — начала она. — В болоте. Нить не уходит ни вниз, ни вверх — торчит. Болото расширяется, граница гниёт, берёза Макоши сохнет. До Купалы — меньше месяца. Мне нужно добраться до духа, понять, что его держит, и отпустить до Купальской ночи. Чтобы в саму ночь был только обряд, не поиск.

— Это ты уже знаешь, — сказал старик. — Ты пришла не за этим.

— Я пришла за тем, чтобы узнать, как добраться.

— Добраться. — Он помолчал, перекатывая слово, как перекатывают камень во рту. — Добраться к застрявшему духу — значит пройти туда, где он стоит. Он стоит не в Яви и не в Нави. Он стоит в промежутке. — Старик поднял палец. — Ты знаешь, что такое промежуток?

— Между вдохом и выдохом.

— Между светом и темнотой. — Он кивнул на небо. — Вот сейчас — это промежуток. Ты в нём стоишь. — Он опустил палец. — Дух стоит в таком же, только не между вдохом

и выдохом и не между днём и ночью. Он стоит между жизнью и смертью. И там, где он стоит, ты можешь оказаться — если пойдёшь правильно. Через воду. Через место, где он ушёл.

— Через болото.

— Через болото. Ночью, без огня.

Веснава сжала пальцы на ремне сумки. Ночью, без огня — значит нарушить договор с болотником. Значит идти туда без защиты, без знака принадлежности к живым.

— Я смогу дойти? — сказала она.

— Можешь. — Старик смотрел на неё без одобрения и без осуждения. — Ты дойдёшь. Ты жрица Макоши, ты видишь нити — ты пройдёшь через воду и окажешься там, где он стоит. — Он помолчал. — Вернуться одной не выйдет.

— Почему.

— Потому что нить в одну руку не удержать.

Она ждала продолжения, но его не было.

— Ты говоришь загадками, — сказала Веснава.

— Нет. — Он не обиделся, только посмотрел на неё чуть прищуренными глазами, уголок рта едва двинулся. — Я говорю точно. Это ты слышишь то, что хочешь услышать. — Он снова переложил посох. — Нить, которая держит этот дух здесь, — не одна. Она в нескольких руках. Ты можешь найти, в каких. Ты можешь дойти до духа. Но отпустить его в одиночку — нет. Потому что это не устроено так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.